

Воспоминания

фельетон

"Вятский край" 1897, No 71, страница 2.

Прочитал я в No 68 "Вятского края" корреспонденцию из Глазова и невольно поддался воспоминаниям. Корреспонденция ничего особенного на общий взгляд не содержит, читатели, вероятно, успели ее уже забыть, хотя и прошло немного больше недели после ее появления. В ней сообщается об открытии в нашей губернии еще новой бесплатной читальни, т.е. о событии, сделавшемся к чести нашей за последнее время до такой степени нередким и, пожалуй, даже обыденным. Что некоторые читатели, ищущие в печати во что бы то ни стало только "новостей", не заметили этого скромного и во всяком случае уже не пикантного события.

Но тем не менее корреспонденция эта воскресила во мне массу воспоминаний, воспоминаний приятных о чем-то далеком, светлом и чистом. Не самый факт открытия читальни, конечно, воскресил эти воспоминания о прошлом. Нет, они невольно поднялись во мне при упоминании дорогого для меня имени Михаила Ивановича Шулятикова, память которого земляки глазовцы вздумали увековечить открытием народной бесплатной читальни.

Кто такой М.И.Шулятиков, спросят меня? Хотя и недавно он помер, всего каких-нибудь года три-четыре тому назад, но вряд-ли многие даже из его земляков, нынешних глазовцев, знают его. Последние 20-25 лет он не был в Глазове, принадлежа почти исключительно финансовому миру Москвы. И на вопрос, кто такой М.И.Шулятиков, - москвичи скажут вам только, что это директор Северного страхового общества и больше ничего. Но глазовцы не знают такого. Для них он все тот же восторженный юноша, которого судьба, вырвав из университета, забросила на родину в такой момент, когда она всего больше нуждалась в свежих силах. Это был конец 60-х годов, начала введения земских и судебно-мировых учреждений в Вятской губернии, а с ними и время пробуждения общественной инициативы и самостоятельности. Хорошее это было время! И таким оно представляется не одному мне. Я был тогда совсем еще мальчуганом, учился в уездном училище. Но и мы, ребята, чувствовали необычайность наступившего момента. Я жил у дяди, который с первого же трехлетия был земским гласным, членом уездной управы. Мне случалось иногда ходить в управу с каким-нибудь поручением к дяде или от дяди, и я невольно сравнивал управские порядки с порядками других канцелярий, в которых также случалось бывать. В управе все было другое, чем, например, в казначействе, на почте, в полицейском управлении. Не только помещение и люди, но, казалось, и самый воздух и солнечный свет здесь были иные, более мягкие и приветливые. Сколько раз я не бывал в казначействе, но всегда вступал сюда с каким-то безотчетным страхом, хотя со мной никто и никогда не позволял себе обращаться грубо. Каждый шаг, сделанный посторонним, казался здесь уже не дозволенным. О полицейском управлении я уже не говорю; вся обстановка его наводила на меня ужас, хотя в канцелярии его и занимался мой близкий родственник, за которым я иногда заходил сюда по поручению его матери.

Но с каким удовольствием, соединенным с любопытством, я бегал обыкновенно в земскую управу, если меня посылали сюда. По простоте ребяческой я не считал управу канцелярией или присутствием. Мне представлялось, что сюда ходят даже и служащие только разговаривать, читать, рассматривать карты, планы, разные вещи, учебную мебель и пособия. Писанье бумаг, прокладка на счетах все это мне представлялось так себе случайным. Заходя в разные комнаты, я больше обращал внимание на развешанные по стенам географические карты, какие-то планы, на книги, лежавшие по окнам и столам. Служащие здесь не просиживали стульев. Мне чаще приходилось заставлять их кучками по два, по три человека, что-нибудь разговаривавших. Здесь всегда слышались разговоры, но не те, что в казначействе или полиции, где кроме "куда лезешь", "поди прочь", "стой на своем месте" и прочие я почти ничего не слышал. Через 30 лет, впрочем, разница во всем этом значительно поуменилась; влияние вековых привычек оказалось сильнее и "благодетельный" окрик легко был перенят и многими земскими деятелями.

Но в чем всего более обнаруживалась разница между земской управой и другими учреждениями - это в отсутствии у первой среды служащих субординации, которая меня особенно давила в казенных канцеляриях. Здесь свое ничтожество я чувствовал тем сильнее, чем больше сидело за столами